

Инна
Соболева

Рабочий
ПЕТЕРБУРГ

 ПИТЕР®

Инна Соболева
Утраченный Петербург

«Питер»

2012

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2=2СПб)

Соболева И. А.

Утраченный Петербург / И. А. Соболева — «Питер», 2012

Петербург меняется стремительнее, чем когда-либо. Что-то идет под снос, что-то перестраивается. Какие-то перемены вызывают бурные споры, какие-то проходят, не замеченные горожанами. Исчезают с лица города не просто здания – символы эпохи и поколения. Кафе «Сайгон», Литературный дом, рюмочная на Невском, 18, дом Рогова... Всего не перечислишь. Что же утратил наш прекрасный город? Шедевры архитектуры? Неповторимые живописные силуэты? Или ту особую, чисто петербургскую, ленинградскую культуру? Новая книга Инны Соболевой о том, как менялся город Петра на протяжении всей своей истории. О том, каким был Петербург и каким уже никогда не будет снова.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2=2СПб)

© Соболева И. А., 2012
© Питер, 2012

Содержание

Предисловие	5
Утраты Петровского Питербурха	9
Отступление об ордене Андрея Первозванного и первом его кавалере	19
Отступление о военном генерал-губернаторе столицы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Инна Соболева

Утраченный Петербург

Предисловие

Не в звездах, нет, а в нас самих ищи причину того, что так ничтожны мы и слабы.

Вильям Шекспир

Нашу историю мы творим сами.

Эдвард Мэрроу

Человек – такой подлец, ко всему привыкает.

Федор Достоевский

Как только написала «утраченный», тут же начала сомневаться: может быть, лучше «потерянный», «пропавший» или «разрушенный»? «Исчезнувший», «истребленный» или «уничтоженный»? Все синонимы, все означают одно – то, чего больше нет, чего мы безвозвратно лишились. И все-таки выбираю «утраченный». В нем не только смысл. В нем – второй план – чувства. Печаль, сожаление, горечь беспомощности – не изменить, не вернуть.

Что же утратил он, наш прекрасный, наш обожаемый город? Шедевры архитектуры? Храмы, в которых молились наши предки? Кладбища, где они упокоились?

Неповторимые живописные силуэты? И уже готов утратить божественную небесную линию, которая потрясает всякого, кто не лишен чувства прекрасного? И еще ту особую, чисто петербургскую, ленинградскую культуру (а может быть, это лучше назвать манерой поведения, особенностью отношений между людьми, даже своеобычностью речи), которая, стоило только сказать, откуда ты приехал, еще совсем недавно вызывала приветливые улыбки и жела-

ние помочь в любом уголке огромной страны. Сейчас упоминание о нашем городе восторг вызывает все реже...

Так что же все-таки считать утратами (а значит – о чем стоит помнить и скорбеть), а что – просто переменами, вызванными естественным ходом времени? Я долго об этом думала. И чем дольше думала, тем больше сомневалась. Вот снесли старый дом на улице Шкапина. Для большинства это осталось незамеченным. Кто-то порадовался: может быть, наконец, самый, пожалуй, запущенный район в центре города приведут в порядок. А кто-то, даже получив квартиру в новом, вполне благоустроенном районе, не находит себе места: он привык и к тому, что рядом Балтийский вокзал, Обводный канал и метро, на котором быстро можно добраться. Да куда хочешь, туда и можно добраться. В общем, для кого-то расчистка запущенного угла города – утрата.

Есть утраты, которые очевидны для всех, и о них люди, не чуждые исторической памяти, неравнодушные к своему городу, будут скорбеть во все времена. Есть и другие, для одного поколения, которое лишилось привычного, а оттого дорогого. Следующие уже не будут об этом знать или просто забудут. Есть и такие, что становятся утратами только для небольшой группы людей или даже для одного человека. Вот для меня, к примеру, одна из таких потерь – неосуществленный памятник Ломоносову. Давным-давно, когда проходил конкурс на памятник, я случайно оказалась в мастерской скульптора Константина Симуна. Здесь не место говорить о его поражающих воображение работах, скажу только о Ломоносове. Он был живой. Никак не в смысле фотографического сходства с общеизвестным парадным портретом: он был усталый, непонятый, страдающий, задерганный интригами завистников, но готовый защищать свое право на самостояние. И было очевидно: знаток искусств товарищ Романов не допустит, чтобы в «его» городе появился такой памятник.

Это в Париже может стоять Бальзак не хрестоматийный, а такой, каким его увидел Роден. И невозможно пройти мимо. Невозможно не постоять рядом, не поговорить (молча, конечно). А мимо Ломоносова, сидящего на Университетской набережной, хочется пройти как можно быстрее. Похоже, скульптор, взявшийся ваять гения, и в Академии научился разве что ремеслу, и про героя знал не более того, что напечатано в школьном учебнике времен недоразвитого социализма. Проходя мимо, я всегда представляю, как стояла бы здесь скульптура Симуна, как останавливались бы люди и не просто восхищались, недоумевали, сомневались, думали.

Или вот оказываюсь на Загородном, прохожу мимо джаз-клуба, и такая тоска. Когда-то в этом доме был кинотеатр «Правда». Я сбегала с уроков и, замирая от восторга, смотрела «Чайки умирают в гавани», «Их было пятеро», «Монпарнас, 19». Столько лет прошло. И ведь понимаю: джаз-клуб городу нужен куда больше, чем один из многих, не самый комфортабельный кинотеатр. Умом понимаю. Но сердцу-то не прикажешь. Утрата...

А сколько еще осталось людей, которые тоскуют не о каком-то изуродованном архитектурном шедевре, даже не об искаженном до неузнаваемости родном, привычном пейзаже – всего лишь о том, что нет больше рюмочной в доме № 18 на Невском. Какие разговоры там велись под рюмку водки и неземного вкуса бутерброд с килькой! О выставке Пикассо, о последнем спектакле Товстоногова, о концепции философии истории Маркузе, о «Государстве» Платона... Утрата. Пусть и для небольшой группы людей, которые и тогда-то казались странными.

А закрытие маленькой кофейни на углу Невского и Литейного, именовавшейся «Сайгоном», и появление на ее месте очередного бутика. Тоже утрата. Уже – для многих.

Топонимические экзерсисы – тоже утраты. Как-то на углу Каменноостровского у памятника Горькому меня остановил человек, явно приезжий: «Простите, а где же проспект Максима Горького? Мне сказали, что он от памятника идет. Может, я не туда зашел?» Я объяснила, что зашел он как раз туда, только вот проспект переименовали. Он посмотрел с недоумением и упреком: «Ну чем вам Горький-то помешал?» Ах, как часто приходится слышать это «вам», «вы»! И чувствовать себя виноватой. И – беспомощной. Как **вы** допустили?! Неужели **вас**

не волнует?! Как **вы** можете?! Я помню облегчение, которое испытала, когда с домов в центре города исчезли таблички с именами Желябова, Перовской, Халтурина. К ним нельзя было привыкнуть, хотя бы притерпеться, пусть нам многие годы и втолковывали с упоением, какие они чистые, бескорыстные герои. Поверить в такое могли только те, кто вовсе безразличен к собственной истории.

Но почему мы молча и послушно расстались с улицами Гоголя, Герцена, Салтыкова-Щедрина? Ладно бы старые имена этих улиц имели какой-то принципиальный, важный для города смысл. Почему Пушкинскую площадь нужно было переименовывать в Биржевую? Только ради возвращения к старому? Или просто мы живем во времени, которому биржа (не наша, прекрасная, построенная Тома де Томоном, а биржа как таковая) ближе и дороже, чем Пушкин? Трудно представить, что просвещенные люди, заседающие в топонимической комиссии, не почувствовали этого унижительного для нашего времени подтекста. Тогда почему? Опять, крича о ненависти к большевикам, действовали по-большевистски, в угоду политическим предпочтениям и «идеалам» момента? Ведь именно такими были мотивы, по которым большевики переименовали Невский в проспект 25-го октября, Дворцовую площадь в площадь Урицкого, Садовую – в улицу 3-го июля, Владимирский – в проспект Нахимсона. Но надо отдать должное большевикам: не прошло и двадцати лет, как они поняли: люди не смирились с утратами, упорно продолжают называть улицы и площади по-старому. И 13 января 1944 года вернули дорогие, привычные имена. Правда, говорят, это сделали по настоятельным требованиям ленинградцев, отстоявших город в блокаду. Им отказать не посмели.

А чем не угодил нынешним (нет, уже вчерашним) демократам Герцен (демократ на все времена)? Впрочем, про Герцена понятно: он просто не может быть угоден власти имущим, будь то монархисты, либералы или коммунисты – слишком самостоятелен и пугающе прозорлив.

Но Гоголь! Николай Васильевич-то в чем провинился? Может, в том, что назвали улицу его именем большевики? Так нет же, не они! Городская Дума Санкт-Петербурга в 1902 году. Кстати, почему вернули название Малая Морская, тоже загадка. Ведь так она именовалась только с 1820 года. До того была Ново-Исаакиевской, а изначально – Большой Луговой. Уж если возвращаться к истокам, так до конца. Может, не знали просвещенные господа депутаты истории этих переименований? Или, наоборот, знали очень хорошо и сознательно отказались возвращать улице первородное имя? Ведь названа она была Луговой потому, что ограждала строящийся город от Адмиралтейского и Дворцового лугов. Лугов давно нет, какая же Луговая? Но и моряки с кораблями давно в этих краях не живут, во всяком случае, компактно. Так почему же Малая Морская?

А имени Гоголя даже и по формальной логике (о душе на время забудем) здесь самое место: в десятой квартире дворового флигеля дома № 17 на Малой Морской (к моменту его очередного приезда в Петербург она уже тринадцать лет носила это имя) он прожил три года и много чего замечательного написал. В том числе и повесть «Невский проспект». Судя по всему, заслугой перед городом это не считается...

Но попробую быть справедливой: склонность к смене имен (будто от этого что-то изменится по существу) возникла много раньше событий 1917 года. Но смена смене рознь. Меняются функции улицы, меняется ее облик – меняется и название. Так было с главной улицей нашего города. Сначала была просто дорога к Невскому монастырю, потом – Большая перспективная дорога, после – Невская перспектива и, наконец, Невский проспект. Это даже не переименования – уточнения.

А вот пример переименования неумного и трусливого. Когда наша армия начала терпеть поражения на фронтах Первой мировой войны, переименовали не улицу – город. Решили: не может больше столица Российской империи носить немецкое имя! Народ не поймет! (У нас правители про народ всегда все знают...) И стал Петербург Петроградом...

Вот что записал по этому поводу в дневнике барон Николай Николаевич Врангель, выдающийся искусствовед, человек с безупречным вкусом и столь же безупречной репутацией: «Зловещие слухи подтвердились, и сегодняшнее правительственное сообщение гласит о серьезных неудачах. Тем бестактнее высочайшее повеление, опубликованное сегодня, о переименовании Петербурга в Петроград. Не говоря о том, что это совершенно бессмысленное распоряжение прежде всего омрачает память о великом преобразователе. Но обнародование этого переименования «в отместку немцам» именно сегодня, в день нашего поражения, должно быть признано крайне неуместным. весь город глубоко возмущен и преисполнен негодования на эту бестактную выходку». Знаменитый художник Константин Андреевич Сомов был краток: «Позорное переименование Петербурга в Петроград!»

А это Зинаида Николаевна Гиппиус:
Кто посягнул на детище Петрово?
Кто совершенное деянье рук
Смел оскорбить, отняв хотя бы слово?
Смел изменить, хотя б единый звук?

.....

Но близок день – и возгремят перуны.
На помощь, Медный вождь, скорей, скорей!
Восстанет он, все тот же, бледный, юный,
Все тот же – в ризе девственных ночей,

Во влажном визге ветреных раздолий
И в белоперистости вешних пург —
Созданье революционной воли —
Прекрасно-страшный Петербург!

Она оказалась права, петербургская Кассандра. Он восстал. Но до этого ему пришлось почти семьдесят лет быть Ленинградом. И снова переименование стало утратой. Не потому, что дорожат именем Ленина, потому, что – блокада.

В общем, любая перемена может обернуться утратой – болью.

И я поняла: писать обо всем разрушенном, уничтоженном – не буду. Да и составить полный мартиролог я не готова. Напишу об утраченных шедеврах. А еще – о домах, в которых жили люди, много сделавшие для Отечества и незаслуженно забытые. И не столько о самих домах, сколько об этих людях. Прийти к такому решению мне помогла фраза, сказанная когда-то Анной Андреевной Ахматовой: «**Вещи драгоценны только своей биографией**». Так и дома. Не архитектурные стили, не художественные изыски (во всяком случае, не только они), а люди – их страсти и дела, их страдания и победы, их боль. Вот это и есть главное.

И еще сомнение, то самое, что обыкновенно заботит реставраторов: на какой момент восстанавливать здание? На момент постройки? Это значит, к примеру, на XVIII век. Но в XIX были сделаны пристройки. И они очень хороши и давно привычны, без них здание станет неузнаваемым. Как быть?

Вот и я не могу решить, о каких утратах рассказывать? О тех ли, что случились еще в XVIII веке, о тех, что произошли в XIX, когда Петербург превращался в капиталистический город, о тех, что постигли его в веке XX, о сегодняшних?

Так, не разрешив до конца сомнений, и приступаю к работе...

Утраты Петровского Питербурха

Петербург начинается с Петра. Уж тут-то нет места сомнениям и колебаниям. И то, что осталось нам петровского (даже если переделано, перестроено), не только прекрасно, но и остается градообразующим, как Петр и задумывал. Петропавловская крепость, Адмиралтейство, Александро-Невская лавра, Двенадцать коллегий, Сампсониевский собор, Летний сад, даже Кикины палаты – центры, вокруг которых разрастался, вызревал город. А то, что утрачено. Как относиться к этому? Многое зависит от ответа на вопрос: почему? Не ценили, не берегли? Или время и сам город так распорядились? Ему, городу, нужно было расти, не отставать от времени.

Одна из самых горьких утрат – **собор во имя Святой Троицы**, который в народе называли Петровским. Он был заложен по велению Петра всего через четыре с половиной месяца после основания города и через три месяца с небольшим после закладки храма во имя апостолов Петра и Павла, на месте которого сейчас стоит Петропавловский собор. Поначалу это была совсем простая маленькая деревянная церковь. Через два года ее расширили, пристроили трапезную и колокольню. С мая 1714-го Троицкая церковь стала главным храмом Петербурга. Уже тогда было ясно, что она не может вместить всех желающих: город рос, люди все прибывали и прибывали. Пристроили еще два придела и красное крыльцо, на котором во время праздничных богослужений стоял сам Петр с семьей и придворными. Для благовеста повесили на колокольне огромный колокол – трофей, взятый генерал-адмиралом Апраксиным (о нем – дальше, в главе «Расстрелянный Растрелли») в захваченном у шведов городе Або. На колокольне поставили часы с курантами, каждую четверть часа игравшими «Господи, помилуй!». Их Петр распорядился снять с Сухаревой башни в Москве и привезти в новую столицу. Это – для душевной радости и красоты.

И первые обитатели города, и его иноземные гости дружно признавали, что Троицкая церковь – самая красивая постройка нового города. Она и правда при всей скромности была

удивительно легкой и гармоничной. В этом мы можем легко убедиться, рассмотрев гравюру петровского времени «Троицкая площадь на Городском острове».

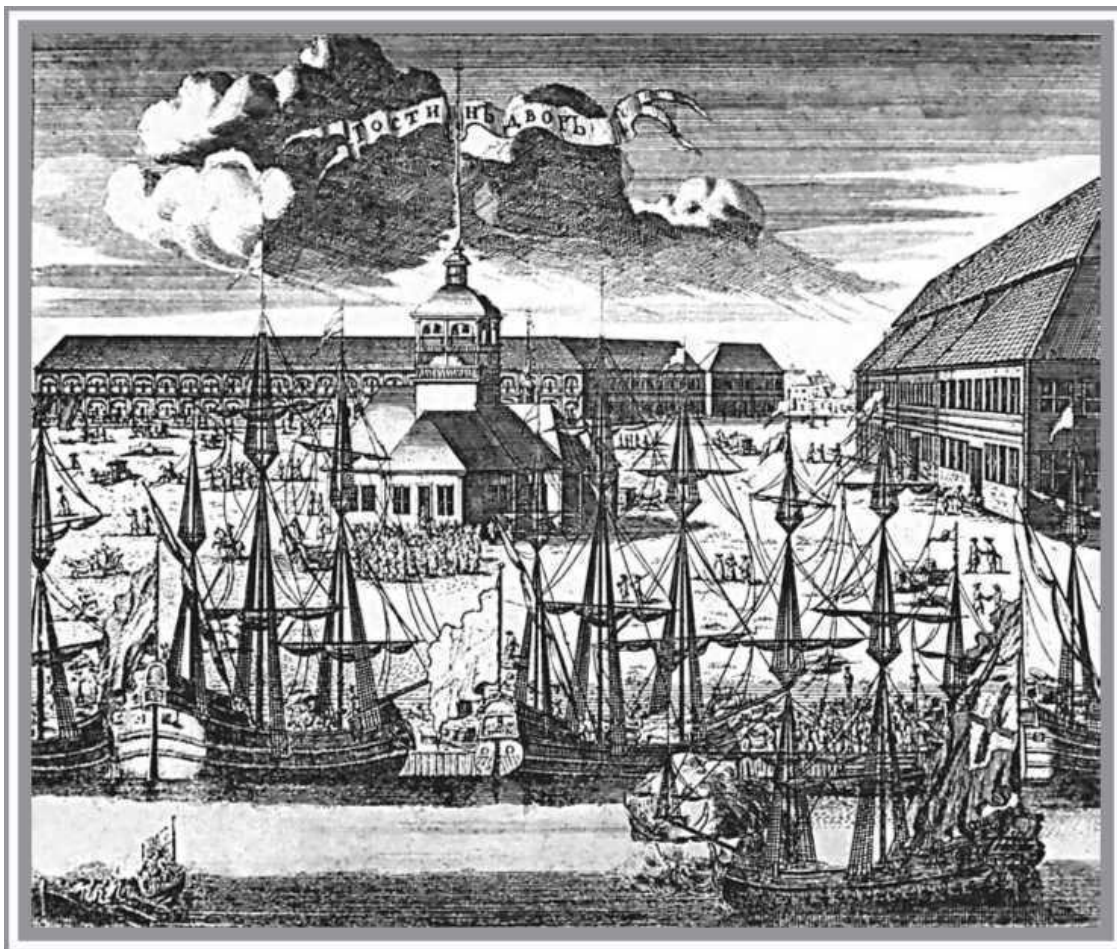
Ее автор, талантливый гравер Алексей Иванович Ростовцев, изобразил Неву, корабли и маленький изящный храм – то, что так любил Петр. Действительно любил. Потому каждое воскресенье и каждый праздник со всем семейством молился именно у Троицы, иногда даже пел на клиросе и читал Апостол.

Петр I

Гангут и Гренгам, Полтава и Ништадтский мир – великие победы России. Благодарственные молебны по случаю каждой из них служили в Троицком соборе. Там же 22 октября 1721 года отмечали присвоение Петру Алексеевичу титула императора. И каждый раз Троицкую площадь озаряли огни фейерверков, и звону колоколов вторил грохот пушечных салютов и восторженные крики «Ура!».

После смерти Петра в Троицком соборе короновали и Екатерину I, и Петра II, и Анну Иоанновну. Но деревянный храм неостановимо ветшал. Елизавета Петровна, которой был он особенно дорог как память о родителях, о безоблачном детстве, придя к власти, повелела запретить в нем богослужения – боялась, что перекрытия рухнут прямо на верующих. Приказала аккуратно разобрать собор, все, что можно, сохранить и восстановить на том же месте, ничего не меняя во внешнем виде.

Троицкая площадь на Городовом острове

Случилось это в 1742 году, а через четыре года новая церковь была торжественно освящена. Но пройдет еще четыре года – и неожиданно вспыхнет пожар. Сгорит все. Не удастся спасти даже то, чем особенно дорожили, что бережно хранили, пока перестраивали храм: петровские часы с курантами, дивной красоты паникадило. Расплавятся даже колокола. Несколько лет на месте храма оставалась только выжженная земля.

Елизавета Петровна не могла с этим смириться. Приказала построить новый храм на том же месте. Но чтобы был он копией прежнего, уже не настаивала. В 1756 году новый собор во имя Святой Троицы был освящен. Императрица передала туда отцовские реликвии: паникадило и коробочку для ладана, выточенные им самим из слоновой кости, и зеленое шелковое полковое знамя с изображением Богородицы, бывшее с Петром Алексеевичем в Азовском походе.

Сто семьдесят семь лет судьба хранила старую церковь, она оставалась любимой для нескольких поколений петербуржцев. Туда приходили молиться не только живущие поблизости, приезжали из разных концов города. Считалось, что просьба, обращенная к Богу в Троицком соборе, будет скорее услышана.

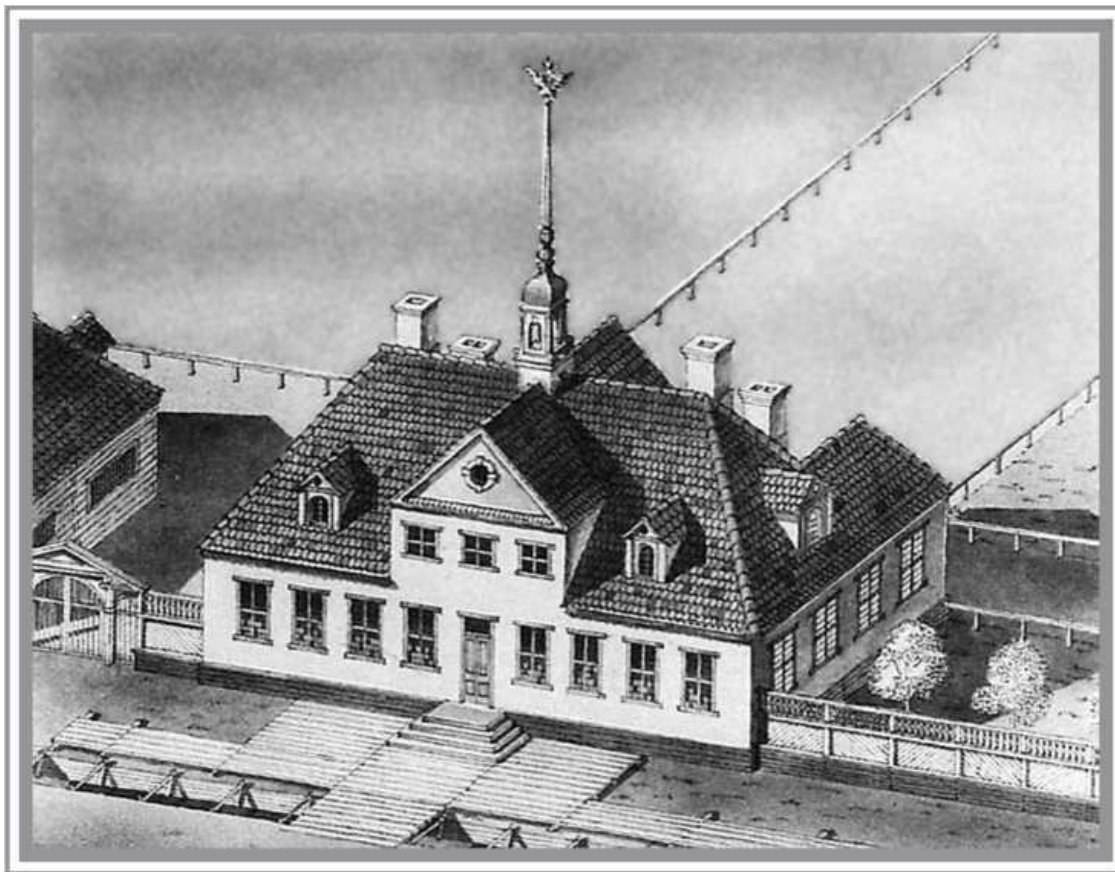
Но в 1913 году в храме снова вспыхнул пожар. Был он не такой разрушительный, как первый: сгорели только купол, крыша и колокольня. Николай II решил старый собор снести и на его месте построить огромный величественный храм. Работа над проектом была поручена Андрею Петровичу Аплаксину, последнему епархиальному архитектору нашего города, человеку талантливому, большому знатоку древнерусского зодчества и елизаветинского барокко. Он уже успел вчерне закончить проект, когда к императору обратились верующие с просьбой

восстановить собор точно в том виде, как он был построен при Елизавете Петровне. Как историческую святыню. Николай Александрович возражать не стал, тем более что началась война, и на задуманную гигантскую стройку не было ни денег, ни сил.

К восстановлению Троицкого собора приступили только в 1923 году (продлится она без малого пять лет). Руководил работой Евгений Иванович Катонин, будущий академик архитектуры, автор здания Фрунзенского универмага. Денег на восстановление храма новая власть, разумеется, не дала, но работе, как ни странно, не препятствовала. Почему? Ответить затрудняюсь. Может быть, потому, что уже успевшие понять, с кем имеют дело, прихожане (это они собрали деньги на строительство) подчеркивали, что восстанавливают не просто храм, но своего рода памятник создателю города. А к Петру Великому пролетарская власть относилась не без пиетета. Будто даже через века – побаивались. Тем не менее, «воинствующий атеизм» окажется сильнее и почтения, и страха: в августе 1933 года петровский храм закроют, а в октябре снесут. До основания.

Многие дома, в которых жил основатель Петербурга, тоже не сохранились, но история их утраты не так печальна. Она всего лишь закономерна: по тем или иным причинам: дом переставал устраивать хозяина, и тот его переносил на другое место (так было с Зимними маленькими хоромами), перестраивал, расширял (так случилось с Зимним домом, построенным Маттарнови в 1716–1720 годах, и с Зимним дворцом, построенным им же в 1719–1722 годах). А вот Летний дворец в Летнем саду пришлось императору по душе. И никто из преемников на него не посягнул. Вот он и уцелел.

Про первый домик Петра все известно. Был он первой гражданской постройкой в городе. Сооружен с величайшей поспешностью всего за двое суток, с 24 по 26 мая 1703 года. Сохранился благодаря Екатерине II, которая приказала укрыть его каменным футляром. С той поры и другие властители почитали своим долгом его беречь. А вот первое зимнее жилище, именуемое Зимними маленькими хоромами Петра I, интересно больше всего тем, что «застолбило» место для одного из самых совершенных созданий мировой архитектуры – стоящего и сегодня на берегу Невы Зимнего дворца. Исследователи долгие годы не могли дознаться, когда и почему этот участок земли стал собственностью Петра. Ясно было одно: вместе со многими другими талантами был он одарен исключительным чутьем на красоту и, если можно так выразиться, архитектурной точностью – выбрал для своего дома именно ту точку, с которой открывается самый завораживающий вид на Неву, на Стрелку Васильевского острова, на живописные дали невских берегов. Что же касается времени, с которого этот участок принадлежал Петру, то сотрудники Эрмитажа после долгих поисков нашли в Российском государственном архиве военно-морского флота письма корабельного мастера Феодосия Моисеевича Скляева к государю: «...дом ваш, что подле моего двора, также чаю, что в марте совершен будет, разве кровля задержит для того, что в студеное время черепицею крыть нельзя». Датировано это письмо 29 февраля 1708 года. А через год с небольшим Скляев сетует: «...хоромы ваши готовы, да вас здесь и нет, а мы спешили изо всей мочи, однако не получили вас ныне здесь видеть». Оно и понятно. Неусидчив был Петр Алексеевич: то за границей, то на войне, то на верфях северных. Но все-таки точно известно, что в маленьких хоромаш своих он жил. Это ясно из его переписки. Если читать письма внимательно, то можно составить довольно точное представление и о том, как выглядело царское жилище.

Реконструкция Малых хором Петра

Архитектору Эрмитажа Григорию Владимировичу Михайлову удалось по письмам даже реконструировать «маленькие хоромы». Были они одноэтажные, в восемь окон по главному фасаду, по четыре – по боковым, да еще с мезонином в три окна (там хозяин проектировал корабли и сам делал их модели), надо всем этим – так любимая Петром башенка со шпием. Похоже, Петр первое свое зимнее жилище любил. Сужу по тому, что, готовясь к переезду в Свадебные палаты, велел Меншикову не разбирать маленькие хоромы, а «перевезть на Петровский остров и поставить у пристани, а на то место сделать новые по текену (по чертежу. – *И. С.*)». Перед свадьбой Петр уходил в Прутский поход, так что и Екатерина с детьми, пользуясь выражением корабельного мастера Склеява, «не получили его здесь видеть». Подготовку к свадьбе пришлось поручить генерал-губернатору Петербурга (исполнял тогда эту должность Александр Данилович Меншиков).

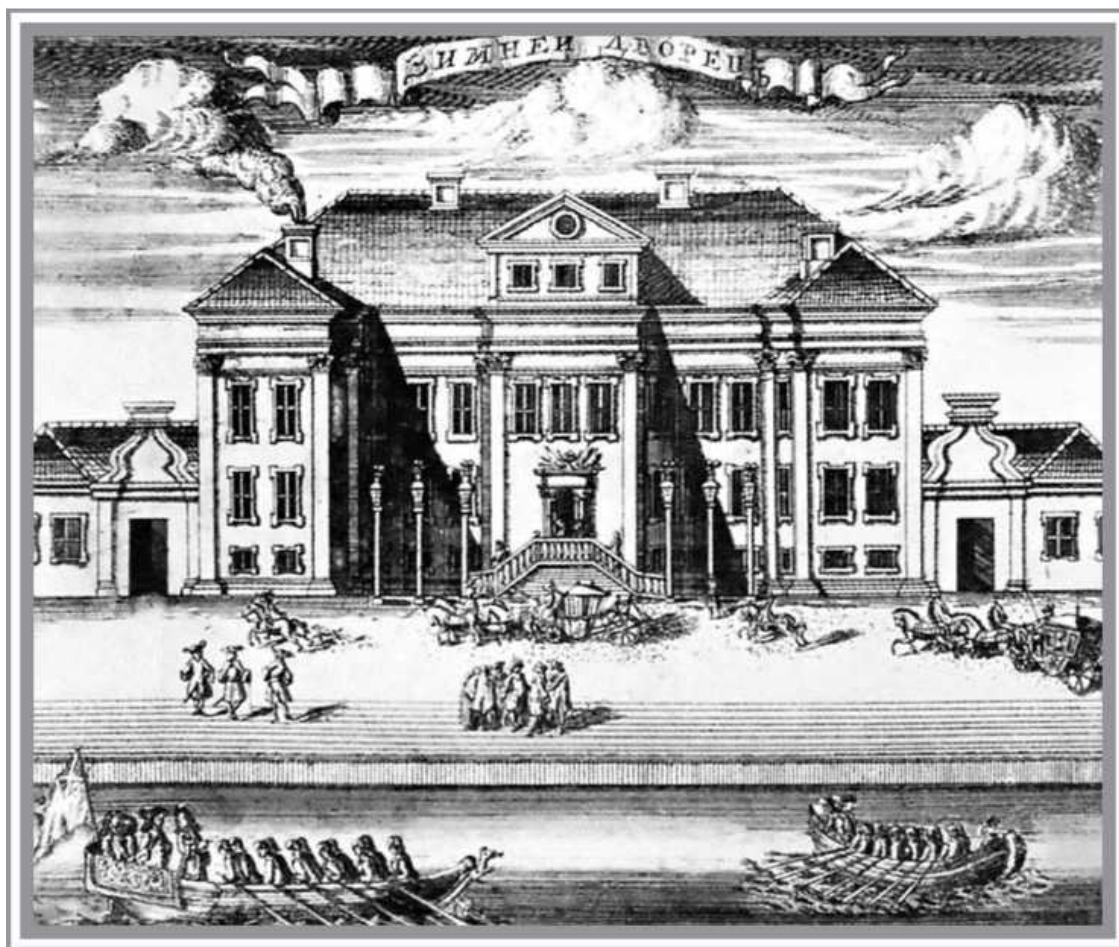

А. Д. Меншиков

Он исправно докладывал императору обо всех делах, о строительстве нового царского жилища в том числе. Вот что отвечает Петр на один из таких докладов: «Благодарствую вашей милости. за строение; только лутше б теми припасы и людьми, которые на зимнем дворе употреблены, на летнем дворе были, ибо довольно б хором небольших на зимнем дворе было, а палаты напрасно, как я вам самим говорил». Понятно, эти слова не много говорят о палатах, зато много – о самом Петре. Деталь, конечно, но детали и есть самое интересное.

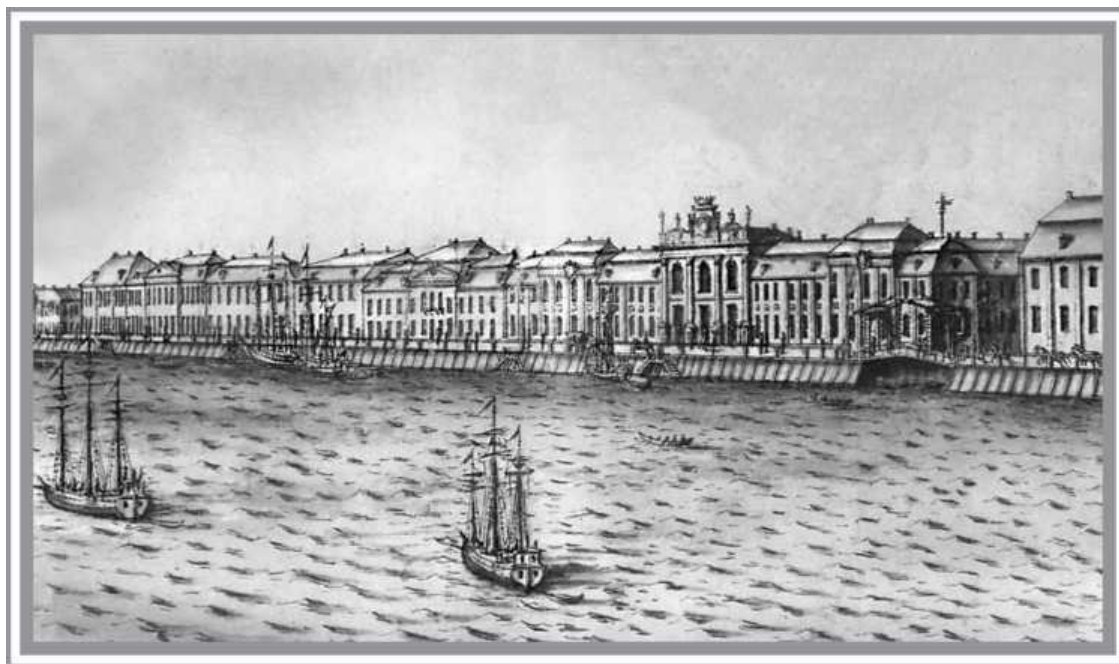
Что же касается Свадебных палат, то это был уже не скромный маленький домик. Это был дворец – небольшой, но удивительно красивый. Впрочем, что ж удивительного: рука великого Трезини. Его безупречное чувство пропорций, сдержанность, легкость – гармония. Мы видим «Зимней Дворец», чаще именуемый **Свадебными палатами**, на гравюре Алексея Федоровича Зубова (1716 год).

Благодаря его мастерству и верности натуре и имеем представление о том, как выглядел город во время Петра. Неплохо выглядел. Во всяком случае, для новорожденного.

Свадебные палаты

Но жизнь не стояла на месте. Город стремительно развивался. Всего четыре года прожило царское семейство в Свадебных палатах, а Петр уже затеял новую стройку. И вот почему (по крайней мере, так считал один из первых историков Петербурга Андрей Иванович Богданов): «...когда начала строиться набережная Миллионная линия каменными палатами, тогда она линия строением подалась на Неву реку на несколько сажен, то помянутые палатки прежнего строения (Свадебные палаты. – И. С.) остались во дворе». А его дворец не должен был отступать от устанавливаемой красной линии, следовало ему стоять не в глубине двора, а вровень с другими дворцами. Так в итоге и получилось, судя по рисунку Маттарнови, изобразившего набережную Невы, известную нам как Дворцовую, в 1725 году.

Зимний дворец Петра в 1725 году

Маттарнови и был автором нового Зимнего дома императора. Похоже, дом выглядел вполне достойно. Одно удивительно: был он заметно меньше Свадебных палат, где продолжала жить Екатерина с детьми. Мало того, оказался отгорожен от них глухой задней стеной. Открыт же – на Неву и Зимнюю канавку, которая тогда и была проложена. Маленький дом за глухой стеной. Почему все-таки? Думаю, ответ надо искать не в каких-то архитектурных пристрастиях Петра, хотя известно, что он терпеть не мог больших помещений. Причина решения переехать в маленький отдельный дом, скорее всего, кроется в каких-то семейных неурядицах. Кто знает. Зато наверняка известно, что, когда Зимний дом по утвержденному им самим проекту будет еще не до конца достроен, Петр прикажет Маттарнови его расширить, а потом и вовсе отдаст Сенату, а для себя и всей семьи повелит строить новый большой Зимний дворец.

Строить будет все тот же Маттарнови. Видимо, его работа Петру пришлась по душе. Об этом немецком архитекторе известно очень немного: только о работе, а о характере и личной жизни – ничего. Пригласил его в Петербург прославленный Андреас Шлютер, которого сам Петр уговорил приехать в Россию. Георг Иоганн (в России Маттарнови быстро переименовывают в Ивана Степановича) был рад поработать под руководством своего почитаемого учителя. Но через три месяца после приезда ученика Шлютер скоропостижно скончался. Маттарнови пришлось завершать то, что не успел учитель. Потом он будет участвовать в отделке Меншиковского и Летнего дворцов, построит партикулярную верфь на левом берегу Фонтанки против Летнего сада (для строительства мелких частных судов. – *И. С.*). Наконец, приступит к строительству главного своего детища – Кунсткамеры. То, что ему доверили строить кабинет редкостей, о котором так мечтал Петр, доказывает: император высоко ценил Маттарнови. Для своей коллекции редкостей, которую Петр собирал всю жизнь и хотел сделать общедоступной (первым открытым для людей любого звания музеем), он хотел иметь здание, которое вошло бы в число самых красивых построек столицы. Так и получилось. Но Маттарнови только начал. Он повторил судьбу Шлютера: умер внезапно, не завершив дела, которое должно было принести ему заслуженную славу. Добраивали Кунсткамеру другие. И лавры пожинали тоже.

Однако императорский Зимний дворец Маттарнови достроил. И последние годы Петр прожил именно в нем. Там и скончался.

Пройдут годы. На престол взойдет Екатерина II. Уж кого-кого, а ее не упрекнешь, что недостаточно почитала своего великого предшественника. Надо полагать, и его последнее пристанище сохранила бы. Если бы было, что сохранять. Через сорок лет после смерти Петра дворец окончательно обветшал. Его ведь, как Домик, футляром не укроешь. И она повелела Джакомо Кваренги построить на месте дворца Эрмитажный театр.

Считалось, что **Зимний дворец Петра Великого** был разобран до основания, а значит – утрачен безвозвратно.

Никто и помыслить не мог, что это не так. Вернее, мало кто мог. Директор Эрмитажа академик Борис Борисович Пиотровский обладал не только колоссальными знаниями (что для академика вполне естественно), но и удивительным, посмею назвать его сверхъестественным, историческим чутьем. Не случайно ведь ему удалось найти целую неизвестную науке цивилизацию. Но это уже другая история. Что же касается дворца Петра. Пиотровскому казалось (не знаю, наверное, это неправильное слово, едва ли так можно говорить о провидении, но назвать точно это состояние, предвещающее открытие, мог бы только он сам), что следует попытаться начать раскопки. И начали. Искали с 1976-го по 1986-й. Результаты потрясли всех – даже тех, кого считали непревзойденными знатоками Петровской эпохи.

Оказалось, что Кваренги сохранил и использовал при строительстве Эрмитажного театра фрагменты старого дворца, причем не только стены первого и цокольного этажей, но и целые группы жилых помещений. На счастье, среди них оказались «малые палатки», в которых жил сам Петр.

Начиная с 1992 года их можно увидеть. За реставрацию и реконструкцию этих находок и создание мемориальной экспозиции «Зимний дворец Петра I» группу архитекторов музея во главе с Валерием Павловичем Лукиным наградили Государственной премией РФ.

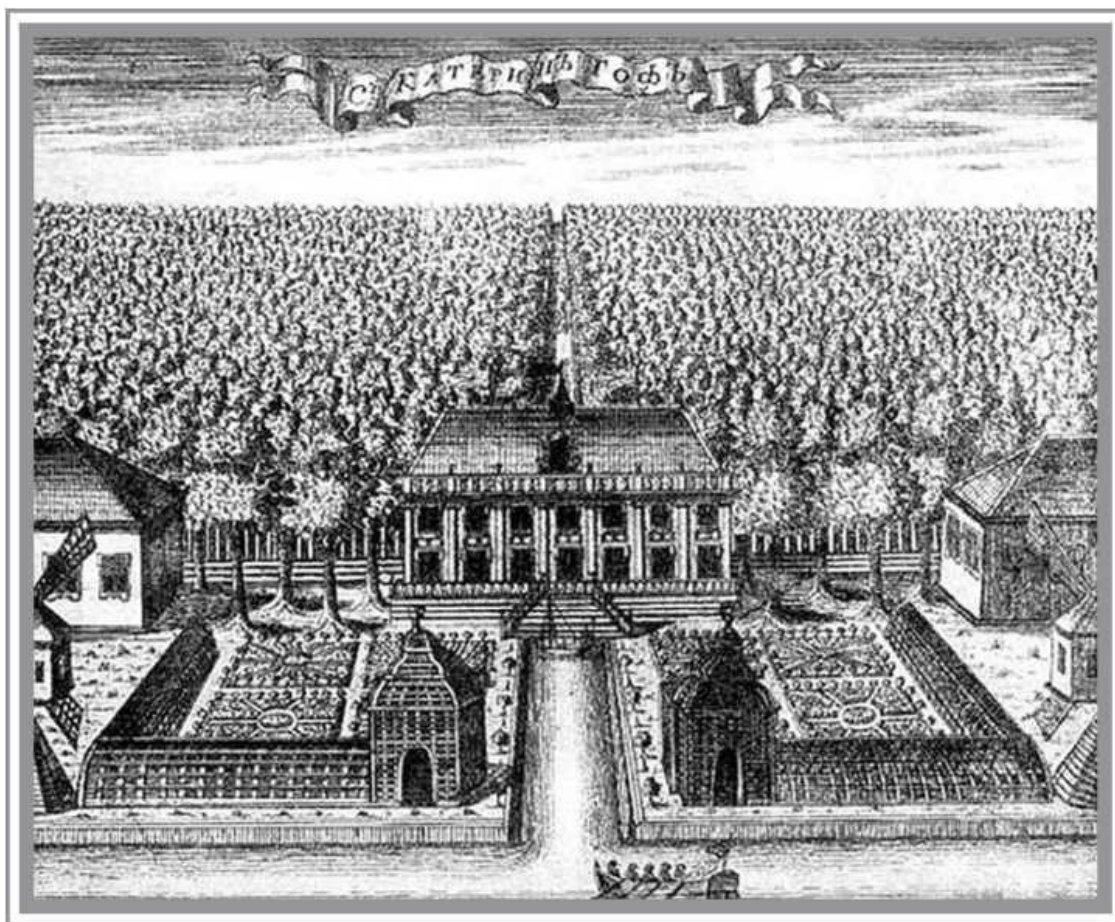
Так что – утрата. Но не полная.

И Свадебные палаты, и Зимний дом наверняка были очень хороши. И среди более поздних шедевров петербургской архитектуры не затерялись бы. Но ведь их не злоумышленники, не равнодушные и нерадивые наследники разрушили – от них отказался сам хозяин. И вовсе не потому, что им владела мания разрушения, как это было со многими власть имущими в XX веке (об этом рассказ впереди). Просто его переставали устраивать старые дома и дворцы: то ли менялись потребности, то ли вкусы, но он хотел построить на прежних местах что-то новое и, как ему казалось, лучшее. Кстати, часто это удавалось.

Так что обвинять хозяев никакого права нам не дано. А сожалеть. Что толку сожалеть?

Зато у двух других дворцов Петра иная судьба. Он любил их и совершенно не собирался перестраивать. Даже из-за одного этого их стоило бы сберечь. Не сберегли.

Я о **Екатерингофском** и **Подзорном** дворцах.

Екатерингоф при Петре I. С гравюры А. Ф. Зубова

Екатерингоф – место в петербургской истории примечательное. Сейчас это едва ли не центр города – совсем недалеко от Нарвских ворот. Но в петровские времена – лишь дальние подступы к месту, где только еще должен был начинаться город.

Шестого мая 1703 года матросы новорожденного российского флота под командованием капитана бомбардирской роты Петра Михайлова (если кто не помнит, так частенько называл себя государь) на берегу реки Екатерингофки (тогда она звалась Черной) сидели в засаде, караулили, не появятся ли шведы. И дождались: захватили два шведских военных корабля. Потом таких побед будет множество. Но у этой особая цена. Она – первая морская победа Петра. Так что и награда за нее особая: главный орден российский – святого Андрея Первозванного.

Отступление об ордене Андрея Первозванного и первом его кавалере

Учредил этот орден сам Петр Алексеевич после возвращения из поездки по Европе: очень уж приглянулись ему английские ордена. В России об их существовании даже не ведали. Так что орден Андрея Первозванного не только главный, но и первый. А в петровское время – и единственный. Выглядел он внушительно. Во-первых, знак. На фоне двуглавого орла крест. На нем распят святой Андрей Первозванный (апостол на самом деле был распят не на прямом, как Христос, а на косом кресте). Во-вторых, серебряная восьмилучевая звезда, в ее центре медальон со словами девиза: «За веру и верность». Знак положено было носить на голубой ленте через правое плечо, звезду – на левой стороне груди. Для особо торжественных случаев к ордену полагалась золотая фигурная цепь, покрытая разноцветной эмалью.

Практически одновременно с орденом учредил Петр и военно-морской Андреевский флаг: крест на снежно-белом поле. Вместо бело-сине-красного триколора. Через некоторое время, когда новый флаг уже развевался над российскими кораблями, Петр писал Федору Матвеевичу Апраксину: «...слава, слава, слава Богу за исправление нашего штандарта во образ святого Андрея». Вот строчка из описания, составленного самим императором: «Флаг белый, через который синий крест св. Андрея, того ради, что от сего апостола приняла Россия святое крещение».

Для него, «западника», было, оказывается, очень важно подчеркнуть: не какой-то миссионер, имя которого давно забыто, а сам святой апостол принес на Русь православие. Можно с большой степенью уверенности предположить, что и в Андреевском флаге, и в ордене Андрея Первозванного пожелал Петр явить миру символы самобытности и независимости России.

Статут ордена в петровские времена разработан еще не был. Петр только начал составлять его проект. Вот что он писал: «...награждение одним за верность и разные Нам и Отечеству оказанные услуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние».

Видимо, с целью «воспламенить любочестие и славолюбие» преемники Петра (начиная с Павла Петровича) награждали этим орденом (и множеством других, учрежденных уже после смерти Петра) при рождении всех великих князей. Принято считать, что именно это породило обычай перевязывать новорожденных мальчиков голубой лентой – в цвет орденской ленты Андрея Первозванного. Первым кавалером ордена стал первый российский генерал-фельдмаршал и первый русский по происхождению адмирал граф Головин. Чтобы было понятно, кем он был, приведу надпись на его надгробной плите: «Его Высокографское Превосходительство Федор Алексеевич Головин римского государства граф, Царского Величества Государя Великий канцлер и посольских дел Верховный Президент, ближний боярин, морского флота адмирал, наместник Сибирский и кавалер чинов: св. Андрея Первозванного, Белого Орла (это старейший польский орден, учрежденный в 1325 году, без малого через пятьсот лет он был причислен к государственным наградам Российской империи. – И. С.) и пр...».

Кроме перечисленного Федор Алексеевич управлял Оружейной палатой, Монетным двором, приказом воинского морского флота, ямским и еще четырьмя приказами; директорствовал в им же созданной школе математических и навигацких наук; руководил постройкой судов на северных верфях, набором моряков-иностранцев в русский флот и обучением русских новобранцев.

Это формальный послужной список. А вот каким он был, один из самых близких к Петру людей? Датский посол Гейнс так писал о нем своему королю: «Это боярин с большими заслугами. Таким его считают все в этой стране».

Царь ему более всего доверяет». Петр действительно доверял Головину. Недаром, снаряжая Великое посольство в Европу «для поддержания давней дружбы и любви, для общих к всему христианству дел, к ослаблению врагов Креста Господня, салтана турецкого, хана крымского и всех бусурманских орд», назначил его вторым послом (первым был Франц Лефорт) и именно ему поручил руководство отрядом волонтеров из тридцати человек, в числе которых был и он сам, десятник Петр Михайлов. Предстояло им познавать секреты навигацкого дела, а мудрому Головину за ними приглядывать, чтобы не слишком увлекались невиданными иноземными забавами.

Приглядывать за молодым царем Федору Алексеевичу было не в новинку: он ведь один из тех ближних бояр, которым еще в 1676 году перед самой своей кончиной государь Алексей Михайлович поручил хранить царевича Петра как зеницу ока. Девиз рода Головиных – «И советом, и мужеством». всю жизнь Федор Алексеевич следовал этому девизу: всегда был рядом с Петром, ревностно выполнял все его поручения, подставлял плечо в трудные минуты. Даже явные ошибки императора старался приписать себе. Так было с награждением гетмана Мазепы орденом Андрея Первозванного. Когда стало известно о предательстве Мазепы, злопыхатели посмеивались (конечно, тайком – открыто кто ж решится!): мол, не разбирается в людях русский царь, врагов награждает. Федор Алексеевич каялся: дескать, я уговорил государя наградить предателя, бес меня, старика, попутал. На самом деле решение, разумеется, принимал сам Петр: был человеком увлекающимся, поверил красивым словам изменника о вечной дружбе.

Кстати, почти через сто лет с награждением этим орденом случится схожий казус. В 1807 году после ратификации Тильзитского мирного договора Александр I наградит высшим российским орденом Наполеона. До нападения Бонапарта на Россию оставалось пять лет.

А вот Головину честь стать первым кавалером первого российского ордена досталась по праву. Что бы ни поручал ему Петр – сложнейшие ли дипломатические переговоры (с Китаем, Англией, Голландией, Польшей), хозяйственные ли дела, от которых часто зависела судьба армии, страны и ее государя (снабжение провиантом, оружием, амуницией русских войск под Азовом и Полтавой), военные ли операции (достаточно вспомнить оба Азовских похода) – все выполнял талантливо, с усердием и самоотверженностью.

Признавался, что с молодых ногтей его жизненным кредо стали слова, вычитанные у Цицерона: «Кто всею душою, с ревностью и искусством исполняет свою должность, тот только способен к делам великим и чрезвычайным». Уже одно это свидетельствует о блестящем образовании адмирала. Читает Цицерона, да еще в подлиннике! Попробуем вообразить, что какой-нибудь сегодняшней чиновник, да даже и полководец, на это способен... Но и тогда на это мало кто был способен, особенно в окружении Петра Алексеевича. Пожалуй, еще генерал-адмирал Апраксин (о нем речь впереди) да Андрей Артамонович Матвеев, один из самых ярких петровских дипломатов. Он, к слову, почитал Головина своим учителем и, не скрывая восхищения, вспоминал, как тот учил его, русского посла в Лондоне и Гааге, «распалить злобу» англичан и голландцев против шведов, врагов Петра. Приемы «распаления» предлагал довольно изощренные и коварные, но ведь на пользу отечеству: России были необходимы союзники в борьбе против Карла XII.

Когда начинаешь рассказывать о людях, когда-то славных, а теперь забытых или полужабытых, всегда хочется поделиться подробностями, прямого отношения к теме книги не имеющими, но достаточно любопытными. Так вот, у Андрея Артамоновича была дочь Мария Андреевна, редкой красоты девица. Выдал он ее замуж за человека знатного и богатого, одного из соратников Петра, Александра Ивановича Румянцева. Но ходили упорные слухи, что любила Мария Андреевна не мужа, а императора. От него, говорили, и сына родила. И назвала в его честь. Так это или нет, вряд ли мы когда-нибудь узнаем, но вот то, что стал он одним из самых замечательных людей своего времени, сомнению не подлежит. Имя незаконного сына

Мариш Андреевны – Петр Александрович (отчество, естественно, по официальному отцу) Румянцев-Задунайский, великий русский полководец. Может быть, это отступление и покажется неуместным, но есть одна деталь, прямо относящаяся к теме книги. После неожиданной (и странной) смерти прославленного фельдмаршала в 1799 году на Марсовом поле (тогда оно еще называлось Царицыным лугом) поставили памятник: стелу с надписью «Румянцева победам». Сейчас ее там нет. Но она не утрачена. Ее перенесли в сквер рядом с Академией художеств. Так что утрачен всего лишь прежний облик Марсова поля. Но печалиться об этом некому: тех, кто привык видеть стелу на прежнем месте, давно нет на земле. А следующим поколениям – думаю, и нам в том числе – важно, что памятный знак стоит и место для него выбрали вполне достойное.

Но вернусь к генерал-фельдмаршалу Головину. Он умер, спеша в очередной раз на помощь к Петру (обязанности, которые он выполнял, пришлось после его смерти распределить между несколькими вельможами, но справиться со всеми делами они не могли). Похоронили Федора Алексеевича в Симоновом монастыре, в семейной усыпальнице Головиных. Надпись с могильной плиты, которую я цитировала, списали и опубликовали исследователи его жизни и трудов еще в XIX веке. Сейчас ее уже нет. Нет и могилы. Утрата. Еще одна в длинной, длинной череде... Правда, недавно перед Андреевским собором на Большом проспекте Васильевского острова поставили бюст прославленного адмирала. А в Ивангороде, на том месте, откуда в 1700 году русские войска переправлялись через реку Нарову, открыли и освятили часовню во имя покровителя русского воинства Федора Стратилата. Его и Федор Головин почитал своим небесным покровителем.

Но вернусь в Петербург, в месяц май года 1703-го. После первой морской победы Петр Алексеевич и его сердешный друг Александр Данилович Меншиков получили ордена Андрея Первозванного (Петр был шестым награжденным, Меншиков – седьмым). Вручал награды Федор Головин.

А к месту своей первой морской победы Петр прикипел душой. Вот и решил поставить дворец. Памятный. Строил дворец, предположительно, сам Трезини. А обустройство парка император поручил французскому архитектору Жану Батисту Леблону, выдающемуся мастеру садово-парковой архитектуры, автору невероятно популярной в Европе книги «Теория и практика садоводства». Именно эта книга во время очередной поездки в Европу привлекла внимание российского монарха к Леблону. Писал Меншикову так: «...сие мастер из лучших и прямою диковинкою есть, как я в короткое время мог его рассмотреть. К тому же не ленив, добрый и умный человек». Чего тут больше, справедливой оценки Леблоновых дарований или азарта Петра, способного самозабвенно увлекаться и уверенного в собственной способности видеть людей насквозь? Во всяком случае, Леблону было сделано предложение, от которого невозможно было отказаться: жалование пять тысяч рублей в год (Трезини, сделавший для города неизмеримо больше, получал в пять раз меньше!), казенная квартира, право взять с собой помощников и учеников, должность главного архитектора столицы Российской империи, повеление всем зодчим (среди них великий Трезини, и Растрелли-старший, и Маттарнови!), чтобы «оного Леблону были послушны». Ко всему этому еще и невиданный чин генерал-архитектора. Понятно, что Леблон с семьей и помощниками немедленно выехал в Россию.

Почему Петр поручил именно Леблону заняться парком, понятно. Во-первых, слегка охладел к своему давнему любимцу, первому зодчему Петербурга «архитектонскому начальнику цивилии и милитарии» Доменико Трезини. Во-вторых, владела им мечта построить парк, превосходящий Версальский (а Версаль его поразил). Воплотиться эта мечта должна была в Петергофе. И воплотилась. Но и другие парки должны были стать образцами совершенства. Так кому же, как не Леблону, такие парки строить? Он ведь ученик великого, непревзойденного Андре Ланотра, создателя Версаля!

Место Леблону досталось красивое, но для строительства не самое благоприятное: болотистое, по весне затопляемое. Но много ли мест в Петербурге лучше? К тому же (и Петр, и Леблон это отлично знали) дивный Версальский парк еще при Людовике XIII был таким же заболоченным и неухоженным местом, пригодным разве что для загородной королевской охоты. Среди полей и редких кустарников стоял только маленький охотничий домик. Волей Короля Солнца (Людовика XIV) и гением Ленотра это невзрачное место стало чудом красоты и величия. А мы чем хуже?

Леблон проложил канал, так что от Петропавловской крепости можно было приплыть прямо к ступеням нового дворца. Чтобы понизить уровень прибывших вод, по обеим сторонам канала выкопали пруды. От Петергофской дороги до входа в парк вырубили просеку, чтобы можно было добираться не только по воде, но и посуху. Дворец и парк император подарил любимой жене, дав всей этой местности имя Екатерингоф (Екатеринин двор). Неподалеку от дворца жены приказал построить маленькие летние дворцы для дочек: Анненгоф и Елизаветгоф.

Екатерингоф стал одной из последних работ Леблона в российской столице. Когда-то, заключая договор с Доменико Трезини, первым иноземным архитектором, Петр написал: «Обещаю также именованному Тречину, чтоб временем не хотел больше служить или если воздух зело жесток здоровью его, вредный, ему вольно ехать куда он похочет». Воздух Петербурга оказался «зело жесток» для Леблона. Он умер, едва дожив до сорока лет. Похоронили с почестями на кладбище рядом с храмом Сампсония Странноприимца. (О судьбе этого кладбища речь пойдет в главе «Расстрелянный Растрелли».)

Екатерингоф императорская семья любила, приезжали туда часто, а уж в начале мая – обязательно. В память о той, первой петровской морской победе. Трудно сказать, помнили ли петербуржцы через сто, двести лет о событии, ставшем когда-то причиной майских праздников в Екатерингофе, но традиция жила: майские гулянья в одном из самых красивых парков Петербурга проходили каждый год. Более того, когда Екатерингоф стал пролетарской окраиной столицы, именно в бывшем императорском парке организовывали революционные рабочие свои маевки, и уже скоро многие стали утверждать, что Екатерингоф тем и славен, что был местом первых маевок.

Судя по дошедшим до нас воспоминаниям, после смерти Петра Екатерина ни разу не приезжала в Екатерингоф. Почему? Может быть, потому что было тяжело: все там напоминало о Петре. А где не напоминало?.. У въезда в Екатерингоф со стороны Петергофа, у моста через речку Таракановку, стоит мраморная колонна. Невысокая, примерно в три человеческих роста. По совершенству пропорций сходная с Александровской колонной Монферрана. Большинство утверждает, что и поставил ее великий француз, тем более что много работал в Екатерингофе по заказу военного генерал-губернатора Петербурга, графа Михаила Андреевича Милорадовича. Но об этом – позднее. Сейчас нас интересует другая легенда о колонне, и, хотя у меня она доверия не вызывает категорически, умолчать о ней не могу.

Так вот, рассказывают (вернее, рассказывали в давно прошедшие времена), будто поставила эту колонну безутешная императрица Екатерина I в память о своем юном возлюбленном Виллиме Монсе, казненном разъяренным ее изменой супругом. Но вряд ли это так. Во-первых, чего бы ей ставить такой памятный знак в месте, куда не собиралась приезжать? Во-вторых, уж очень чувствуется в этой колонне рука Монферрана. Сторонники этой легенды и не возражают: конечно, такую красоту мог сделать только Монферран! Правда, упускают из виду, что родился он через шестьдесят лет после кончины Екатерины.

По той же второй причине едва ли достоверна и легенда, будто это сам Петр поставил памятник своей любимой лошади Лизетте (не буду вдаваться в подробности спора, был ли это жеребец с женским именем или кобыла, так как собственного мнения на этот счет не имею). Но достоверно известно, что, когда лошадь пала, император приказал вызвать таксидермиста

и сделать чучело, которое было выставлено в Кунсткамере (сейчас оно хранится в Зоологическом музее). Так что это наверняка не могила. А если памятный знак, то почему в Екатерингофе, а, скажем, не в Полтаве, где Лизетта спасла жизнь хозяина, вынесла его из-под перекрестного огня шведов?

Петр во время Полтавской баталии

Она не слушалась никого, кроме Петра. Когда хозяин долго не заходил в ее денник, вырывалась (совладать с ней не мог никто) и отправлялась его искать. Если уезжал без нее, отказывалась от еды и питья. Если ее седлали, а потом неожиданно поездку отменяли, она «как будучи тем обижена, потупляла вниз голову и казалась печальною до такой степени, что слезы из глаз ее выкатывались». Так что памятник Лизетта заслужила.

Когда читаешь о череде мелких и крупных предательств, которые всю жизнь сопровождали Петра Алексеевича, начинаешь думать, что одна Лизетта любила его неизменно и преданно. И – бескорыстно. А что касается колонны, то стоит она одиноко, едва заметная с дороги, кусок капители отколот, наверх отломано (говорят, это была скульптура лошади), у подножья на куске железа написано, что это Молвинская колонна, названная так в честь местного сахарозаводчика по фамилии Молво. В общем, маловразумительно и дает простор для самых экзотических толкований. Но одно можно сказать твердо: колонне повезло куда больше, чем **Екатерингофскому дворцу.**

Парк, когда-то бывший императорским (потом первым общедоступным, потом комсомольским), поделила Лифляндская улица.

По одну ее сторону – огромный, ухоженный участок (парк культуры). По другую – не слишком большая, запущенная (в чем, впрочем, есть своя прелесть) часть старого парка, которая, собственно, и интересна тем, кого занимает история города. Недалеко от входа, отнюдь не помпезного – фундамент дворца. Не подлинный. Воссозданный. Наверняка достаточно точно: во-первых, работали археологи, во-вторых, канал, подходивший к ступеням дворца, сохранился, и, если еще «наложить» на то, что видишь сегодня, гравюру Алексея Зубова, изобразившего дворец в годы его процветания, легко себе представить, как было здесь раньше. Преемники Петра относились к Екатерингофу по-разному: Петр II едва ли даже знал о его существовании, Анна Иоанновна изредка приезжала охотиться. Зато Елизавета Петровна не

забыла проведенных здесь счастливых детских лет. Она повелела пристроить к дворцу второй этаж и два боковых флигеля, обставить его роскошной мебелью из разобранного дворца Анны Иоанновны в Летнем саду, обустроить парк, вычистить пруды и канал. Поначалу бывала в Екатерингофе часто, потом он ей наскучил, предпочитала Царское Село. Екатерина II поначалу поддерживала дворец и парк в должном порядке, потом тоже к ним остыла. Павел был к Екатерингофу равнодушен, но в какой-то момент его стало раздражать, что туда в начале мая съезжается множество петербуржцев – празднуют приход весны. И повелел: майские праздники горожанам встречать на Невском проспекте. Народу в Екатерингофском парке заметно поубавилось – от вздорного императора можно было ждать любых сюрпризов. Сюрприз и не замедлил последовать: пытавшийся подражать Петру Павел Петрович решил повторить щедрый жест великого предшественника, подарившего Екатерингоф любимой женщине, и презентовал дворец и парк своей любовнице Анне Петровне Лопухиной (к тому моменту она была уже княгиней Гагариной – император Павел весьма удачно выдал ее замуж за своего тезку князя Павла Гагарина).

Анна Петровна недолго пребывала хозяйкой Екатерингофа. Сразу после смерти отца Александр I, щадя чувства матушки, которой тяжело было видеть женщину, фактически отнявшую у нее мужа, отправил князя Гагарина послом к сардинскому двору. Гагарины уехали в Италию. Княгиня оттуда уже не вернулась: в 1805 году скончалась от туберкулеза.

Бесхозный Екатерингоф понемногу ветшал...

Ренессанс наступил, когда Александр I назначил военным генерал-губернатором Петербурга Михаила Андреевича Милорадовича. Петра Великого тот боготворил. Все, связанное с основателем города, оберегал тщательно. Приехал в Екатерингоф, посмотрел – и был ошеломлен: как можно довести до такого упадка дом, где бывал великий государь?!

Вообще-то назначение Милорадовича на высокий административный пост многие восприняли с недоумением: человек он увлекающийся, к планомерной рутинной работе не способен, сибарит. Он и в самом деле терпеть не мог долгих заседаний, бумаг, скучных повседневных дел. Но если уж что-то его увлекало, если что-то решал, никто и ничто не могло его остановить. Так было и с Екатерингофом. Он решает возродить петровский дворец.

Привлекает к делу не кого-нибудь, а самого Огюста Монферрана, строившего тогда Исаакиевский собор. Монферрана Петр тоже восхищает. Знает он об основателе города, который уже давно стал для него второй родиной, очень много: прочитал все, что было к тому времени напечатано. Сначала читал по необходимости: должен был как можно больше узнать о человеке, которому посвящен собор. Ведь фактически тот должен был стать памятником Петру, небесным покровителем которого являлся святой Исаакий Далматский. Потом увлекся, старался не пропустить ни одной интересной книги. Это и сблизило Монферрана и Милорадовича: у генерала было, может быть, самое богатое собрание книг о Петре Великом.

Когда будет закончен ремонт дворца, когда Милорадовичу удастся открыть в нем Петровский мемориальный музей, он передаст свое бесценное собрание в его библиотеку. Недаром о расточительности Милорадовича ходили легенды: одни его осуждали, другие им восхищались.

А пока Монферран расширяет границы сада, устраивает цветники, высаживает более тысячи деревьев и – строит. Каталые горки, беседки, павильоны (в их числе – самый великолепный – Львиный), увеселительный воксал в мавританском стиле – огромную ротонду с полосатым золотисто-голубым куполом. Это сооружение никакого отношения к железной дороге не имеет, да и не было еще у нас в то время железных дорог. Воксалом называлось модное увеселительное заведение в Лондоне, где устраивала концерты и давала балы очаровательная хозяйка Джейн Вокс. От ее фамилии и произошло название лондонского заведения и ему подобных в разных городах Европы, в том числе и екатерингофского. Украсили парк и изящ-

ные мосты. Особенно хорош был висячий мостик, перекинутый через ведущий к дворцу канал. Это был первый чугунный мост в Петербурге.

На песчаной косе, омываемой Невой, Монферран возвел большое деревянное здание на каменном фундаменте в готическом стиле с решетчатыми фигурными окнами, галереями и высоким бельведером (так называется надстройка над зданием, чаще всего круглая в плане, с которой открывается вид на окрестности, в прямом переводе с итальянского – прекрасный вид). Называлось сооружение почему-то фермой. Летом в нем жил генерал Милорадович.

Но главным, конечно, было восстановление дворца, возвращение его интерьерам (хотя бы некоторым из них) первоначального вида – Милорадович мечтал сделать музей Петра Великого и открыть его не для избранных – для всех.

Первый в России мемориальный музей был открыт 1 мая 1825 года. Обратите, пожалуйста, на эту дату особенное внимание.

Михаил Иванович Пыляев, замечательный знаток русской старины, так описывает этот музей: «... в нижнем этаже сохранили убранство комнат в том самом виде, как было при Петре. перед спальней императора стоял шкаф, в котором хранился его синий кафтан с золотым шитьем по борту и рукавам; этот кафтан Петр носил в сражениях. В спальне стояла старая простая сосновая кровать, по преданию, сколоченная руками императора. Наволочки, как и одеяло, были шелковые, некогда зеленые. С нашивными золотыми орлами. В спальне висела картина фламандской школы с изображением морского вида; напротив кровати находилось старинное зеркало и стоял поставец с китайскими чашками; перед постелью висела икона Владимирской Богоматери.

В столовой стоял штучный банкетный стол, сделанный из лиственницы, доставленной Петру из Архангельска. За этим столом государь любил беседовать с Апраксиным, Шереметевым, Меншиковым. под чехлом деревянная табакерка его работы, пожалованная им поручику Иосифу Ботому. Тут же лежала другая табакерка, подаренная им жене купца Марье Барсуковой, часы, пожалованные вышневолоцкому купцу Сердюкову, подрядчику при постройке Вышневолоцких шлюзов...»

На этом прекращаю цитировать Пыляева. Во-первых, потому что с музеем все более-менее ясно. Во-вторых, потому что ничего не ясно. Как вещи, подаренные Петром Великим (а значит – бесценные), которые потомки тех, кому они были подарены, должны бы хранить, как зеницу ока, оказались в музее? Это в куда более поздние времена работники музеев и коллекционеры ездили по городам и весям, скупали исторические ценности. В первой четверти XIX века такого еще не было. Как же они попали в Екатерингоф? Ответ оказался простым и одновременно удивительным. Все дело в личности создателя музея. Слава генерала Милорадовича была такова, что помочь ему собрать музей были готовы многие. Помогали бескорыстно, с радостью отдавая герою то, чем дорожили, что хранили несколько поколений. Именно так попали в музей и табакерки, сделанные Петром, и часы, подаренные им Сердюкову.

Что же за человек был Милорадович, чем заслужил он любовь и восхищение?

Отступление о военном генерал-губернаторе столицы

Нельзя сказать, что имя Михаила Андреевича Милорадовича вовсе забыто нашими современниками и соотечественниками. Но что знает о нем большинство? Генерал, которого убили на Сенатской площади во время восстания декабристов. И все. Надеюсь, те, кто знает больше, не обидятся на меня за упрек в беспамятстве: я ведь говорю о большинстве. А уж если честно, большинству-то это имя не говорит вообще ничего. Несколько лет назад я имела случай в этом убедиться и загорелась желанием напомнить об этом замечательном человеке. Мне повезло: нашла поддержку в Министерстве культуры. Так появился фильм «Кого застрелил Каховский?» Телеканал «Культура» показывал его неоднократно, и каждый раз кто-нибудь звонил: надо же! О каких людях мы позволили себе забыть! И я уже загордилась (чуть-чуть!): все-таки помогла вспомнить... Ничуть не бывало. Недавно случай свел с группой студентов-медиков. Говорили о ранениях, о том, что редко кому удавалось несколько раз ходить в атаку, обычно в первой же ранили или убивали. И тут я сказала: Милорадович ходил в пятьдесят две (!) атаки и ни разу не был ранен. Мои собеседники растерянно улыбнулись: а кто этот счастливчик? Как его? Милорадович? История древнего сербского рода Милорадовичей – убедительное свидетельство братства наших народов. Еще в начале XVII века сражались они с турками, помогая России.

Петр Великий умел ценить верных друзей – пожаловал Милорадовичам богатые поместья. Отец Михаила Андреевича, Андрей Степанович, достиг положения весьма высокого: стал царским наместником в Малороссии. Михаилу было семнадцать, когда он принял участие в первом бою. А в двадцать семь он уже генерал-майор. Его называют счастливчиком. Хотя древняя мудрость гласит: «Не называй никого счастливым, пока он жив».

М. А. Милорадович

Молодой генерал отправляется в Италию под начало самого Суворова. Ни одно крупное сражение италийских и швейцарских походов не обошлось без Милорадовича. Суворов в донесении Павлу I писал: «Милорадович прилетел на крыльях, одержал победу и по-особенному великодушно уступил оную князю Багратиону как командовавшему авангардом».

Вот это великодушие, благородство рыцаря Суворову, да и многим, кто знал Милорадовича в разные годы, кто сражался с ним рядом, было дороже отваги и воинской удачи. Милорадович, как и Суворов, совершил фантастический марш-бросок через Альпы. Но кто об этом знает? В донесениях он не описывал своих подвигов, лишь кратко сообщал: отразил и победил неприятеля там-то и там-то. Пройдет время, и накануне сражений Отечественной войны Милорадович, «разъезжая перед войсками, ободрял их примером и речами, напоминая всем и каждому прежние походы с Суворовым, трудные пути Альпийских гор, поощряя через то преодолевать всякое препятствие, забывать всякую нужду, помня только о единой славе и свободе Отечества. Такие увещания не были напрасны, солдаты с удовольствием внимали им – и темные осенние ночи, влажные студёные туманы, скользкие проселочные дороги, томительный голод и большие переходы не могли остановить рвение войск, кипевших желанием настичь бегущего врага. Среди смерти и ужасов сражения спокойно занимался он обзором местности, проезжая мимо полков, по обыкновению своему ласково с солдатами разговари-

вал. Войска кричали ему ура!.. Твердая уверенность вождя в победе мгновенно сообщалась войску, оно кипело мужеством и ожидало только знака к нападению». Это строчки из «Писем русского офицера» Федора Николаевича Глинки. Двести лет назад этой книгой зачитывалась вся просвещенная Россия. В наш рассудочный век она может показаться излишне пафосной и сентиментальной. Тогда же сотни юных сердец зажгла она любовью к Отечеству.

«Письма» – эмоциональная летопись военных походов русской армии 1805–1806 годов, позднее дополненная описанием событий Отечественной войны; живое свидетельство боевого офицера, участника всех главных сражений с Наполеоном, бесстрашного воина и безупречного патриота. Его-то, отважного офицера и незаурядного поэта, заметил и сделал своим адъютантом генерал Милорадович. Мог ли он предположить, что найдет в Глинке блистательного, точного и честного мемуариста?

При Бородине Кутузов доверил Милорадовичу командовать правым крылом русской армии. Глинка вспоминал: «Он разъезжал на поле смерти, как в своем домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады (крутые, высокие прыжки верховых лошадей. – И. С.), спокойно набивал себе трубку, еще спокойней раскуривал ее и дружески разговаривал с солдатами: «Стой, ребята, не шевелись! Дерись, где стоишь! В этом сражении трусу нет места!» Твердая уверенность в победе мгновенно сообщалась войску».

К этому нелишним будет добавить, что адъютант всегда – и во время великого сражения тоже – был лишь на полкорпуса коня позади своего генерала. А ведь недаром один из самых неустрашимых и самых скупых на похвалы русских полководцев, Александр Петрович Ермолов, писал к Милорадовичу: «Чтобы быть всегда при Вашем превосходительстве, надобно иметь запасную жизнь». Еще раз дам слово Федору Глинке: «Не знаю, почему большая часть подвигов этого генерала не обозначена в «Ведомостях», но он, как я заметил, нимало этим не огорчается. Это значит, что он не герой «Ведомостей», а герой истории и потомства. Этот генерал, принявший по просьбе Светлейшего (князя М. И. Кутузова. – И. С.) начальство над арьегардом после страшного Бородинского сражения (оно состоялось 26 августа. – И. С.), дрался с превосходящим неприятелем с 29 августа по 23 сентября, то есть 26 дней непрерывно. Некоторые из этих дней ознаменованы большими сражениями, по 10 и более часов продолжавшимися. Известно ли все это у вас?»

У нас, к стыду нашему, не известно...

Когда было принято решение сдать Москву, именно Милорадовичу удалось заключить перемирие с французами и дать русской армии время, чтобы вывезти из города раненых и государственные ценности. Возможно, только благодаря этому перемирию удалось спасти и бесценное сокровище – рукопись «Истории государства Российского». Николай Михайлович Карамзин покинул Москву одним из последних. Унес только одно – рукопись.

Но вот французы уходят из горящей Москвы. Арьергард, которым командует Милорадович, волею судьбы становится авангардом и бросается преследовать противника к Вязьме. «Генерал Милорадович повел всю кавалерию в объятый пламенем и неприятелем еще наполненный город... кругом горели и с сильным треском распадались дома, бомбы и гранаты, до которых достигало пламя, с громом разряжались, неприятель стрелял из развалин и садов, пули свистели по улицам...»

Со временем благородное дворянство и граждане Вязьмы, конечно, почувствуют цену этого великого подвига и воздадут должную благодарность освободителю их города. Пусть поставят они на том месте, где было сражение, хоть не многоценный, но только могущий противиться времени памятник, и украсят его, по примеру древних, простой, но все объясняющей надписью: «...генералу от инфантерии Милорадовичу за то, что он с тридцатью тысячами россиян, разбив пятидесятитысячное войско неприятельское, исторгнув из рук его горящий город их, потушил пожары и возвратил его обрадованному Отечеству и утешенным

гражданам в достопамятный день 23 октября 1812 года». Божже, какими же наивными идеалистами были они, будущие декабристы!..

В сражении за Вязьму французы потеряли десять тысяч солдат и офицеров, еще пять тысяч попали в плен. Казалось бы, Милорадовича должны ненавидеть. Но... после еще более кровопролитной битвы под Красным (убитых – двадцать тысяч, пленных – почти двадцать три тысячи) оставшиеся шестьсот человек, укрепившиеся в окрестных лесах, прислали переговорщика сказать, что сдадутся они одному Милорадовичу, иначе готовы биться до последнего. Французы называли Милорадовича русским Баярдом (легендарный рыцарь без страха и упрека. – И. С.), пленные кричали ему: «Да здравствует храбрый генерал Милорадович!» Глинка вспоминал: «Его и сами неприятели любят за то, что он, сострадая об них по-человечеству, дает последний свой запас и деньги пленным, велит перевязывать им раны, организует лазареты».

Точно так же он будет отдавать все свои деньги пострадавшим от наводнения 1824 года, носиться на двенадцативесельном катере по Петербургу, спасая тонущих. Дом свой превратит в приют для несчастных, лишившихся крова, и будет кормить, лечить, одевать – полностью содержать без малого триста спасенных. Кроме того, каждый день к нему будет приходиться за помощью не менее пятисот человек, и никто не уйдет разочарованным. Похоже, все-таки не зря назначил Александр I боевого генерала на должность, больше подходившую опытному администратору. Правда, случалось ему и раскаиваться в этом назначении: больно уж непредсказуем бывал порой граф Милорадович. Так, явился на аудиенцию и торжественно вручил государю записку под заглавием «Нечто о крепостном состоянии». Рассказал, что крепостное право неотступно мучает его совесть, что поручил блистательному молодому экономисту Николаю Тургеневу составить эту записку в надежде, что сумеет убедить государя. Странная, не правда ли, пара: генерал-губернатор имперской столицы, в подчинении у которого войска и полиция, и один из будущих бунтовщиков, которого через несколько лет приговорят к смерти (к счастью – заочно). Оба верят... Но Александр уже не тот, что в первую половину царствования. Тогда он искренне хотел освободить всех своих подданных. Теперь же... То ли устал, то ли понял: слишком сильны те, кто не допустит реформ. Правда, даже после этой эскапады Александр, которого считали чрезмерно подозрительным, не отказал в доверии генералу Милорадовичу.

А как-то Михаил Андреевич позволил себе нечто такое, что император вряд ли простил бы кому бы то ни было другому. Федор Николаевич Глинка вспоминал, как однажды (дело было 15 апреля 1820 года) встретил взволнованного Пушкина (они приятельствовали), который рассказал, что слух о его вольнолюбивых стихах дошел до правительства и теперь его требуют на расправу к Милорадовичу. Пушкин просил совета, как ему вести себя с всемогущим генерал-губернатором. Глинка ответил: «Идите к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Он не поэт, но в душе и рыцарских выходках его у него много романтизма и поэзии: его не понимают! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: он не употребит во зло вашей доверенности». Здесь нелишним будет сказать, что генерал-губернатор отлично знал, какую судьбу готовят поэту. Он должен был только начать – арестовать Пушкина и забрать все его бумаги. Дальше действовать предстояло ведомству Аракчеева: сопроводить арестованного в сибирскую ссылку. Не Милорадович и даже не Аракчеев определили эту судьбу – сам император.

А вот рассказ Милорадовича о визите Пушкина и о том, что за этим последовало. «Знаешь, душа моя (это его поговорка), у меня сейчас был Пушкин. Мне ведь велено взять его и все его бумаги, но я счел более деликатным (это тоже его любимое выражение) пригласить его к себе и уж у него самого вытребовать бумаги. Вот он явился, очень спокоен, со светлым лицом. И когда я спросил его о бумагах... «Прикажете подать бумаги, я напишу все, что когда-нибудь

написано мною (разумеется, кроме печатного), с отметкою, что мое и что разошлось под моим именем...»

А знаешь ли, Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою (это тоже его словцо) обхождения». На следующий день поутру Милорадович был у императора, подал ему исписанную Пушкиным тетрадь: «Здесь все, что разбрелось в публике, но вам, государь, лучшие этого не читать!» «Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал, как было дело. Государь спросил: «А что ж ты сделал с автором?» – «Я объявил ему от Вашего величества прощение!» Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: «Не рано ли?» Потом прибавил: «Ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг»».

Думается, Александр был ошеломлен: дерзость небывалая! Действовать от его имени вопреки его воле! Но он был еще и восхищен: какая смелость! Какое равнодушие к карьере! Ведь знал Милорадович: за несравненно меньшие проступки многие лишались монаршей благосклонности, а значит, и высоких чинов, и всего, что с ними в России связано.

После этого было много разного. И, хотя недоброжелатели, а точнее – завистники, упрекали генерала в сибаритстве и расточительности, он много сделал, чтобы придать Петербургу лоск, достойный столицы великой державы, притом – державы-победительницы.

Первого мая 1824 года праздник, устроенный генерал-губернатором по поводу открытия Екатерингофского парка и дворца-музея, был великолепен: музыка, танцы, фейерверки. А он уже рассказывал, какие новые развлечения ждут петербургскую публику на таком же празднике через год. Замыслы были грандиозны...

Но... 19 ноября в Таганроге умирает Александр I, через восемь дней об этом становится известно в столице. Правда, наследник цесаревич Константин Павлович в это время находится в Варшаве. Ничего, долго ли скакать до Петербурга! И тогда. Еще во время суворовских походов познакомился Милорадович с Константином Павловичем. Того считали (и не без оснований) человеком вздорным, но был он отчаянно смел, за чужую спину в бою не прятался. Это и сблизило наследника престола с отважным молодым генералом.

Отвращение цесаревича к государственным занятиям было в то время общеизвестно. У Милорадовича имелись основания надеяться, что заниматься этими делами тот охотно доверит ему, боевому товарищу. А уж он-то сумеет убедить отменить, наконец, рабство – этот позор России!

Но... великий князь Николай Павлович сообщает военному генерал-губернатору столицы, что еще четыре года назад цесаревич Константин отрекся от права на престол и наследником (тайно!) был назначен он, Николай. «Вы сами изволите знать, как вас не любят», – заявляет в ответ Милорадович и, ссылаясь на закон, буквально вынуждает Николая присягнуть Константину. За ним присягает и гвардия.

Милорадович – идеалист. Для него присяга – дело святое. Константин отказывается от трона? Значит – переприсяга?! Он надеется: гвардейские полки откажутся от такого позора. Это заставит Константина принять корону. А он, Милорадович, станет арбитром между новым государем и заговорщиками.

Не удивляйтесь, о существовании тайных обществ он знал. Да-да, тот, у кого в подчинении была вся полиция, кто мог в несколько минут арестовать всех (или почти всех) участников заговора, знал. А кое-кто считает, что до определенного момента Милорадович и руководил действиями заговорщиков. Это – захватывающая интрига. Но рассказ о ней, как сейчас принято говорить, не соответствует формату этой книги. Надеюсь, к этой теме мне еще удастся вернуться.

А тогда... На Сенатскую площадь вышли не все, и не всё пошло так, как было задумано. Когда Милорадович понимает, что еще немного – и русские солдаты начнут стрелять

в русских солдат, он скачет на площадь. Его отговаривают, пугают... Он не может допустить, чтобы пролилась кровь солдат. Его солдат. Он въезжает в каре: «Солдаты! Кто из вас был со мной под Кульмом, Люценом, Бауценом?» Каре молчит. «Никто? Слава Богу! Значит, здесь нет ни одного русского солдата! Ни одного русского офицера!» На лицах смятение... Еще немного – и солдаты дрогнут, вернуться в казармы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.